

**ПРОРОЧЕСТВО О «НОВОМ БЫТИИ».
КНИГА ЕЛЕНА СИДОРИНОЙ
О КАЗИМИРЕ МАЛЕВИЧЕ**

Ольга А. Юшкова

Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва, Россия, yushkovaoa@rah.ru

Аннотация. Рецензия на книгу Елены Викторовны Сидориной «Казимир Малевич и его пророчество о „новом бытии“», вышедшая в издательстве БуксМАрт в 2021 году.

Ключевые слова: Сидорина Е.В., Елена Сидорина, Казимир Малевич, пророчество о «новом бытии», искусство XX века

Для цитирования: Юшкова О.А. Пророчество о «новом бытии». Книга Елены Сидориной о Казимире Малевиче // Academia. 2021. № 3. С. 309–315. DOI: 10.37953/2079-0341-2021-3-1-309-315

**THE PROPHECY OF THE “NEW
BEING”. ELENA SIDORINA’S BOOK
ABOUT KAZIMIR MALEVICH**

Olga A. Yushkova

*Research Institute of Theory and History of Fine Arts,
Russian Academy of Arts, Moscow, Russia, yushkovaoa@rah.ru*

Abstract. Review of the book by Elena Sidorina “Kazimir Malevich and his prophecy about the ‘new being’”, published by BooksMArt in 2021.

Keywords: Sidorina E.V., Elena Sidorina, Kazimir Malevich, prophecy of the “new being”, art of the 20th century

For citation: Yushkova, O.A. (2021), “The prophecy of the ‘new being’. Elena Sidorina’s book about Kazimir Malevich”, *Academia*, 2021, no 3, pp. 309–315. DOI: 10.37953/2079-0341-2021-3-1-309-315

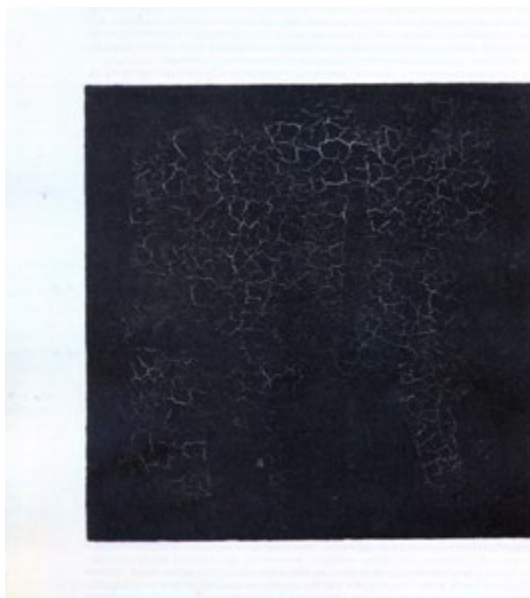

К. С. Малевич в Гинхуке. 1925. Иллюстрация к IV части книги.

Казимир Малевич давно стал одной из знаковых фигур в искусстве XX века. На сегодняшний день существует огромный пласт литературы как зарубежных, так и отечественных исследователей, посвященной осмыслению творческого пути мастера, оказавшего глубокое влияние на развитие художественного процесса XX века. Всем специалистам хорошо известно пятитомное собрание сочинений Малевича, подготовленное А.С. Шатских и А.Д. Сарабьяновым. Отдельные высказывания мастера часто цитируются в специальной литературе, и, тем не менее, существует миф о невозможности прочтения его текстов; многим теоретические работы Малевича кажутся чем-то маловразумительным. Кроме того, бытует мнение — мало ли что там наговорят художники, важно, что они реально сделали, то и следует оценивать. Однако в случае с авангардом теоретическое наследие мастеров ничуть не менее важно их практической деятельности, поскольку шла активная работа по осмыслению предшествовавшего этапа искусства и формированию нового языка изобразительного творчества.

Елена Викторовна Сидорина в книге «Казимир Малевич и его пророчество о „новом бытии“»¹ развеяла миф о невозможности читать тексты мастера, осуществив глобальное исследование «феномена Малевича». Это определение автора довольно точно выражает как цель, так и результат работы, проделанной Сидориной. Пафос автора — проникнуть в творческий мир своего героя и воссоздать ход его художественной и философской мысли в целом, а не отдельными фрагментами, проследить, охватив весь творческий путь, изменения его взглядов на одни и те же вопросы, опираясь, прежде всего, на тексты самого мастера; в книге с максимальной полнотой привлечены теоретические работы, письма, высказывания Малевича. Главное — этот материал глубоко осмыслен и проанализирован автором. Елена Викторовна досконально рассматривает каждую позицию, выдвигаемую Малевичем. Приводя целые отрывки из его работ, она анализирует их с удивительным тактом, «вынимая» из текста суть мысли его автора, и не нагружая текст своими домыслами. Она не стремится произвести Малевича в великие философы, точно определяя характер его теоретизирования как «вариации на тему», выделяя совокупность главных для него тем, к которым он постоянно возвращается с учётом его новых ценностных приоритетов, но при неизменном убеждении в господстве понятия беспредметности в его исходной и конечной точке.

¹ Сидорина Е. В. Казимир Малевич и его пророчество о «новом бытии». М.: БуксМАрт, 2021. 640 с.

Черный квадрат.1929. Иллюстрация к I части.

Книга Елены Викторовны Сидориной состоит из пяти частей, разбитых на главы, и введения, которое выполняет роль маленького предисловия. В первой части воссоздается творческий путь Малевича до рубежа 1910–1920-х годов. Каждая её глава охватывает определенный период становления мастера. Этот путь отсчитывается от впечатлений, накопленных еще в детстве, далее обозначается круг знакомства с художественной культурой своего времени, даётся краткая характеристика периодов становления Малевича-художника, и основное внимание уделяется открытию супрематизма и его трактовки самим мастером.

Автор умело обходит общеизвестные позиции, лишь напоминая о тех фактах и событиях, о которых достаточно много написано, не углубляется она и в анализ конкретных произведений Малевича и круга художников, с которыми он был в той или иной мере связан, также имеющих обширную библиографию. Ее главная цель — сфокусировать взгляд на движении мысли самих художников к пониманию, «что предмет живописи — сама живопись в ее подлинной сущности и самоценности» (Там же. С. 48). Естественно, она не оставляет без внимания поиски языка беспредметности Ларионова, Татлина и Кандинского, но с целью определить место супрематизма среди них. Автор делает вывод; одно из основных свойств супрематизма — момент сознательного построения, изобретения, т. е. уже в начальной стадии в этой системе была заложена проектная основа и возможность выхода в пространственные построения.

«Выход к концептуальному проектированию» внимательно рассматривается уже во второй части книги.

Сидорина проделывает колоссальную работу, буквально по годам прослеживая развитие мысли своего героя о возможностях супрематизма. Например, она замечает, что идея Малевича «абсолютного творчества» в середине 1910-х годов была связана с беспредметной живописью, а в 1919-м, выявляя архитектурное начало в супрематизме, он уже выводит эту идею на уровень всеохватного художественно-проектного творчества и не без воздействия социально-политической ситуации.

Автор работает с широким контекстом, в котором существовал, думал и творил Малевич, выявляя всевозможные влияния на его мысль; здесь и импульсы, идущие от идеи революции, и в тоже время религиозной философской мысли рубежа веков, и от общих поисков авангарда. Главная задача Елены Викторовны — «вынуть» из контекста собственную индивидуальность ее героя, показать «непохожесть» его поисков на, казалось бы, близкие пути в искусстве. Так, сравнивая творчество Малевича с искусством Татлина и конструктивистов, автор акцентирует главное отличие супрематизма в стремлении Малевича к структурному формообразованию, к системе, а не конструированию как таковому, что и позволило ему развить свою супрематическую систему

Эскиз занавеса. 1919. Иллюстрация к II части.

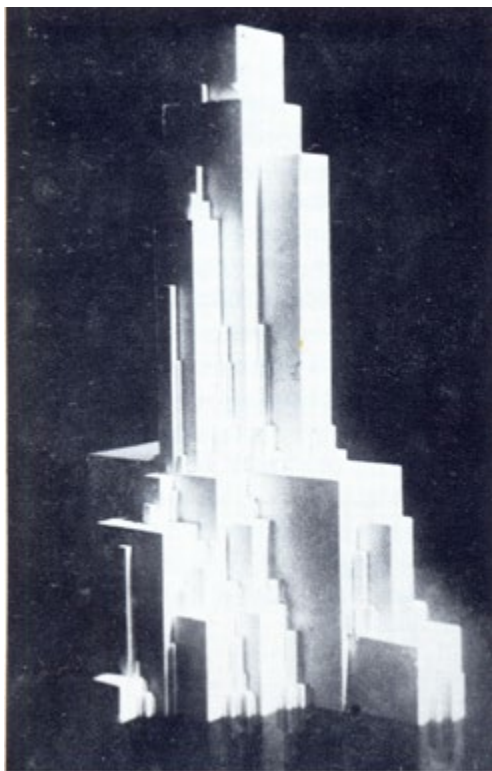
Супрематизм (Супремус № 58). 1916. Иллюстрация к I части.

до осознания ее как пути к «новому бытию». Главный герой — Малевич, но, привлекая в разных контекстах материал художественной жизни тех лет, останавливая внимание на нюансах осмысления понятия *предметное/беспредметное*, автор воссоздаёт «мозаику» идей, из которых складывалось искусство авангарда. Трудно переоценить значимость ее наблюдений для понимания общей картины «настроения умов» того периода и трудно вступать с ней в диалог или искать какие-то несоответствия, потому что Елена Викторовна относится к тем авторам, для которых материал гораздо интереснее, чем собственные амбиции и желание высказать оригинальную интерпретацию. Отсюда стремление не просто понять, а как бы жить рядом со своими героями.

Взгляды и размышления Малевича разных лет на одну и ту же тему сопоставляются и анализируются с целью выявить новые нюансы, обозначить противоречивые моменты и попытаться объяснить суть этих противоречий. Не остается без внимания и безудержная вера Малевича в наступление эры супрематизма, которая, подчас, закрывала ему глаза на реальность, когда в демонстрации с супрематическими знаменами в Витебске ему виделось не праздничное шествие, а победное шествие Супрематизма, а возникновение небольших групп под флагом УНОВИСа в некоторых городах — победным распространением его концепции. На протяжении всех страниц книги автор умело сохраняет баланс в характеристике своего героя и его воззрений, не умаляя их значения, но и не возводя в ранг небывалой высоты, оставляя ощущение живого человека — думающего, ищущего, верующего в своё предназначение.

Следующие части рукописи посвящены анализу теоретических работ Малевича, которые особенно важны для понимания его творческих взглядов и их «движения». Особое значение здесь имеет третья часть, посвященная анализу теоретического осмысления взглядов Малевича, в круг которых входят «...такие феномены, сущности, категории: Природа, мир, Бог, дух, душа... — в соотношении с человеком» (Там же. С. 222). Основываясь прежде всего на сочинении Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», автор отмечает, что многие поиски беспредметного языка строились на идее освобождения от изображения предметов в натуралистическом понимании предметного. Отличие супрематизма — в понимании «...особой значимости — первенствующей — *супрематии беспредметности* в акте созидания, в свободе от... обыденности, обыденного состояния сознания» (Там же. С. 302).

Четвертая часть книги посвящена проблеме построения Малевичем научного института и его деятельности в Гинхуке, когда художник позиционирует себя не только как новатор в области языка искусства, но и как исследователь. Помимо теоретического

Архитектор «Гота». До апреля 1927 года. Иллюстрация к IV части.

Женский торс. 1928-1929. Иллюстрация к V части.

пласта работ Малевича Сидорина уделяет большое внимание его конкретной деятельности в Витебске, в ИНХУКе, а также его позиции среди и по отношению к современным художественным движениям и, прежде всего, конструктивизму.

В этой же части анализируется текст Малевича «Из книги о беспредметности» (1924). Сидорина акцентирует внимание на стремлении мастера объяснить свою идею «мира как беспредметности» через пример идеи, концепции и задач III Коммунистического интернационала. Автор справедливо замечает, что в стремлении распространить свое понимание «беспредметности» Малевич искал способ выразить смысл своих посланий на примере доступных и привлекательных для людей современных идей. Приводится очень интересный материал относительно намерения Малевича «...раскрыть глаза соратникам Ленина на *культтовую сущность* происходящего и одновременно — на *беспредметность*» (Там же. С. 445) в связи со смертью Ильича. Сидорина приводит все адресаты, кому Малевич собирался разослать машинописные копии его работы. Среди них: Крупская, Бухарин, Дзержинский, Луначарский и другие. Автор расценивает эту акцию как «социально-политико-культурную» и находит точное место в отношениях Малевича с материалистическим миропониманием, акцентируя критический настрой текста, направленного на критику материализма и попытку осуществления социализма.

Внимательному прочтению автора подвергся и незаконченный «Биографический очерк» Малевича, написанный в поздний период, (около 1930 года). Название не отражает биографию в общепринятом смысле этого слова. Анализируя текст, Сидорина отмечает, что, сравнивая два варианта учения о новом бытии — христианское и социалистическое, Малевич по сути размышляет на тему «народ и его Учителя», а это имеет отношение и к его «биографии» как Пророка о новом бытии и Учителя. Разыгрывается эта тема довольно трагично; он делает вывод о тщетных усилиях осуществить проекты, которые выдвигались учителями, искавшими истину.

Пятая, заключительная часть посвящена размышлениям Малевича о природе творчества, что автор рассматривает в контексте религиозной философии серебряного века и, в частности, в соотнесении со взглядами Бердяева. Автор вновь обращается к развитию идеи беспредметности в теоретических работах художника и завершает свое исследование материалом поздних работ и размышлений художника рубежа 1920–1930-х годов. В маленьких главах, завершающих книгу, предстает Малевич — человек, способный любить и заботиться о близких, человек, отстаивающий свою веру, несмотря на самые

Автопортрет (Художник).1933. Иллюстрация к V части.

неблагоприятные обстоятельства, «огненный человек» по определению Льва Юдина (Там же. С. 612).. Пронзительные признания Малевича в любви к своей третьей жене, отрывки из писем к ней, приведенные в тексте, завершают образ этого удивительного человека и художника.

Особого внимания достойна структура книги: та или иная тема сначала обозначается, называется, а затем начинает постепенно раскрываться в других главах, с возвратами к отдельным положениям и с проходом вперед, оставляя возможность для нового её поворота и прочтения. Она расходится кругами, как круги от брошенного в воду камня. Кроме того, у автора возникают ассоциации с достаточно широким потоком явлений культуры, в той или иной степени корреспондирующими с её материалом. Подобное построение — одно из самых сложных; здесь неизбежно возникают повторы и автор должен обладать искусством повернуть материал в новом ракурсе, не утратив прежнего. Елене Викторовне это вполне удастся и текст обретает особую тонкость в нюансах мысли как автора, так и в раскрытии мысли ее героя.

Естественно, сквозной темой с первых страниц книги оказывается тема беспредметного искусства и затем беспредметности как понятия философского порядка в контексте осознания этих проблем Малевичем. В итоге прочерчивается развитие мысли Малевича от беспредметного искусства как «нового живописного реализма», строительным материалом которого является отвлеченная геометрическая форма и цвет, выявляющие саму природу живописи, к осознанию возможностей пространственных построений супрематизма, ведущих к «архитектуре всей земли» и дальше, к сути нового искусства, которая заключается в *творческом сооружении* и в конечном пункте этих размышлений — мир как беспредметность.

Очерчивая этот путь, Сидорина приводит не только тексты художника; она осмысляет большой пласт материала вокруг обозначенных проблем. Например, концептуальный характер беспредметного искусства выявляется на фоне различных поисков новейших течений того времени. И если беспредметничество связывало творчество с отказом от изображения узнаваемых предметных форм, то Малевич сделал шаг вперед — он настаивал на отказе от обыденного состояния сознания и к 1930-м годам пришел к понятию духовности вместо беспредметности для характеристики своих работ. Кроме того, закономерно встает вопрос о природе беспредметного искусства в оппозиции *предметное/непредметное* в философском аспекте. Сидорина в своих рассуждениях обращается к трудам философов от Николая Кузанского до Мамардашвили.

Портрет жены художника. 1933. Иллюстрация к V части.

Большой интерес представляет анализ поздних, более зрелых трудов Малевича — «Супрематизм. Мир как беспредметность или Вечный покой», «Бог не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика», «Из книги о беспредметности». Важно, что анализ этих трудов не замкнут, а обращен и к предыдущим главам, имеет выход и в последующие. Определенные точки соприкосновения мысли Малевича и религиозной философии, не раз отмечавшиеся исследователями авангарда, в данной книге широко рассматриваются на примере анализа философских воззрений Бердяева.

Книга Елены Викторовны Сидориной «Казимир Малевич и его пророчество о „новом бытии“» — глубокая исследовательская работа, выполненная на высоком профессиональном уровне. Она внесет большой вклад в изучение как наследия Малевича, так и русского авангарда в целом. Несмотря на сложность самого материала исследования, Елена Викторовна нашла нужную, глубоко авторскую интонацию, ничего не упрощающую по смыслу, но и не нагружающую лишними (относительно сути содержания) деталями и примерами.

Книга прекрасно издана, над ней поработал замечательный дизайнер Евгений Корнеев, нельзя не оценить качество печати и бумаги. Несмотря на большой объем, ее приятно держать в руках и с ней удобно работать. Это одно из тех изданий, которому хочется пожелать долгой и успешной жизни.

Информация об авторе:

Ольга А. Юшкова, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ, Россия, 119034, Москва, ул. Пречистенка, 21; yushkova0a@yandex.ru

Author Info:

Olga A. Yushkova, Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, 21 Prechistenka St, 119034 Moscow, Russia; yushkova0a@yandex.ru